

Въ Ангорѣ: мечети Алаеддина, Хаджи Байрама, Хаджи Муса, Еенъ бея, Таджеддина и нѣскольکو безымянныхъ; тюрге Накишбенди, Ак-Шемседдина; безестанъ и крѣпость. Въ Кыршехирѣ: мечети и тюрге Джеде-бея, Мулькъ Гази и Ашикъ Вели Паши. Въ Хаджи Бекташѣ: текіе дервишей Бекташи. Въ Кесареѣ: мечети Хувантъ, Улу-Джами и крѣпость. Въ Коші: текіе дервишей Мевлеви и тюрге Джелаледдина, Селимъ Явузь-Джамиси и городская библіотека, мечеть Шерефеддина и тюрге Караманъ Оглу Ибрахима, текіе Шемсъ-Тебризли, мечеть Алаеддина и развалины его дворца, медресе Кара-Тай и Сырчалы, мечети Индже Минарели, Абдуль Мумина, Ларенда, тюрге Торгутъ Оглу Ахмеда, Садреддина, Сахибъ Ага и нѣскольکو безымянныхъ; императорскій музей, копія каталога котораго списана.

Въ Афыонъ Карахысарѣ: крѣпость Алаеддина. Въ Акшехирѣ: тюрге Насреддина ходжи.

Такъ какъ, повторяю, главное занятіе мое было собирать матеріалы для діалектовъ, то историческіе памятники осмотрѣны поверхностно. Собранные матеріалы и подробный отчетъ будутъ представлены послѣ.

25 сентября 1906 г.

Отчетъ о поѣздкѣ въ сѣверозападную Монголію, Минусинскій край и Алтай магистра Г. И. Гранэ, ассистента при географическомъ заведеніи Имп. Гельсингфорскаго университета.

Цѣлью моей экспедиціи, совершенной на средства Финляндскаго Комитета для изученія Центральной Азіи, было изслѣдованіе древнихъ надписей на камняхъ въ сѣверозападной Монголіи и снятіе фотографій съ извѣстныхъ уже надписей въ Урянхаѣ. Началась она 9 іюня н. ст., (день моего отъѣзда изъ Гельсингфорса). Послѣ остановки на нѣскольکو дней въ Петербургѣ, Омскѣ и Миусунскѣ, для снаряженія экспедиціи, я пріѣхалъ 10 іюля въ городокъ Верхне-Кушебаръ на Амылѣ, притокѣ Тубы. Закупивъ лошадей, необходимыхъ

для путешествія, и запасшись провіантомъ, я выѣхалъ въ сопровожденіи трехъ рабочихъ въ Урянхай. Дорога, которую наша экспедиція выбрала для перевала черезъ Саянскія горы, шла вдоль Амыла черезъ проходъ Алдаекъ, а дальше до Бей-Кеми вдоль рѣки Систи-Кеми. Отъ устья Систи-Кеми мы направились къ западу черезъ рѣки Уть и Одшу и проходъ Калбахъ-Ташъ до русскаго города Турана, лежащаго близъ рѣки Уюга. Въ окрестностяхъ Турана я снялъ нѣсколько фотографій съ надписей на камняхъ и намѣревался отыскать камень съ надписями около Ха-Кеми по близости отъ впаденія въ него Бурени. При исполненіи этого намѣренія насъ постигла бѣда: во время переправы черезъ Ха-Кемь весь нашъ багажъ былъ унесенъ рѣкой и пропалъ; единственно, что удалось спасти, это маршрутную карту, дневники и нѣкоторые географическіе инструменты.

Несмотря на экономическія затрудненія, постигшія экспедицію, она могла продолжаться, благодаря исключительной любезности русскихъ, живущихъ въ Урянхаѣ. Я продолжалъ путь въ западномъ направленіи, слѣдуя большею частью вдоль лѣвыхъ береговъ Ха-Кеми и Улу-Кеми, и снималъ по дорогѣ по возможности всё, встрѣчавшіяся въ этой мѣстности надписи. Добравшись до рѣки Кемчика, я повернулъ къ югу черезъ горы Танну-Ола, посѣтилъ Уланъ-Хомъ и въ началѣ сентября прибылъ въ Кобдо. На участкѣ Кемчикъ-Кобдо я не нашелъ надписей, хотя памятники и могильные холмы попадались массамаи. Особенно многочисленны были эти памятники на южной крайнѣ Танну-Ола и около Уланъ-Хома. Въ Кобдо мы оставились на нѣсколько дней, чтобы запастись провіантомъ и достать свѣжихъ лошадей для дальнѣйшаго путешествія. Я даже обратился къ Китайскому амбаню съ просьбой дать мнѣ проводника черезъ Алтайскія горы до Тульты. Мои попытки увѣнчались успѣхомъ, и я не только получилъ проводника, но и право пользоваться мѣстными лошадьми, въ случаѣ, если мои устанутъ.

Такимъ образомъ, въ осеннее время мы совершили безъ особыхъ затрудненій мѣстами очень трудный переѣздъ черезъ участокъ Алтай-Кобдо до Тульты, расположенной на западной сторонѣ горъ, въ одномъ двѣ пути отъ Иртыша.

Надписей на камняхъ я здѣсь не встрѣтилъ, но зато во многихъ мѣстахъ попадались, какъ памятники, такъ и могильные холмы. Отъ

Тулты или, какъ ее обыкновенно называютъ, Шаръ-Сумыня мы продолжали путь уже безъ проводника до русскаго пограничнаго города Зайсанска, куда и прибыли 7 октября.

На этомъ участкѣ путь нашъ лежалъ черезъ степи по западному берегу Иртыша. Въ Зайсанскѣ мы продали нашихъ лошадей и на почтовыхъ доѣхали до Семипалатинска, а оттуда на пароходѣ по Иртышу до Омска. Здѣсь я разстался съ моими тремя спутниками, которые отправились по домамъ, а я, послѣ недѣльнаго путешествія въ вагонѣ, 13 ноября вернулся въ Гельсингфорсъ.

Предварительный отчетъ о поѣздкѣ въ Кульджинскій районъ, командированнаго Русскимъ Комитетомъ, студента факультета Восточныхъ языковъ Ф. В. Муромскаго въ 1906 году.

Цѣлью поѣздки мнѣ было поставлено изученіе сибирскаго разговорнаго языка и опредѣленіе отношенія его къ письменному маньчжурскому.

5 марта я выѣхалъ изъ Петербурга, имѣя конечнымъ пунктомъ г. Ташкентъ Сыръ - Дарьинской области, куда и прибылъ 13 марта. Далѣе мнѣ предстояло продолжать путешествіе по почтовому тракту Ташкентъ - Хоргосъ - Кульджа. Получивъ 17 марта открытый листъ отъ Ген.-Губернатора въ Ташкентѣ, я въ тотъ же день выѣхалъ на ст. Кабуль - сай Оренбургско - Ташкентской жел. дор., откуда и начинается почтовый трактъ. 30 марта пріѣхалъ въ пограничное селеніе Хоргосъ, отстоящее отъ г. Ташкента въ 1130½ верстахъ. Покончивъ съ таможенными формальностями, я на слѣдующій день на разсвѣтѣ выѣхалъ изъ Хоргоса и вечеромъ того же дня прибылъ въ г. Кульджу и остановился на почтовой станціи.

Въ Кульджѣ, при любезномъ содѣйствіи секретаря консульства А. А. Дьякова, я вскорѣ нашелъ квартиру, такъ какъ въ Кульджѣ мнѣ предстояло прожить неопредѣленное время. Отъ нашего консула С. А. Федорова я узналъ, что вѣздъ русскимъ въ сибирскія поселенія — сумуны (монгольское слово «стрѣла», «рога») запрещенъ, и что